

## О СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА\*

*Аннотация:* Статья посвящена субъективной модальности как текстовой категории. Показана важность использования модальных средств в процессе создания публицистического произведения. Обозначены лексические, морфологические, синтаксические и собственно текстовые модификаторы субъективно-модальных значений газетного текста.

*Ключевые слова:* газетно-публицистический стиль, субъективная модальность, модальность текста, авторская позиция, оценка, эмоциональность.

Субъективная модальность – важный признак любого текста, в силу чего данная категория является текстообразующей. Особенности выражения субъективно-модальных значений в текстах разных речевых стилей различны, зависят от коммуникативной позиции автора, особенностей адресата, наличия или отсутствия диалогичности, официального или неофициального характера речевой ситуации и т.д. В публицистической речи особый характер приобретает функция убеждения: «... публицист убеждает путем прямого воздействия на читателя (слушателя) и поэтому в явной форме выражает свое отношение к общаемому» [1]. В текстах газетно-публицистического стиля речи, характеризующихся эмоциональностью, открытостью авторских оценок, стремлением воздействовать на адресата, коэффициент субъективной модальности высок: «Публицист прямо и непосредственно обращается к читателю со своими мыслями, чувствами, оценками» [2].

Во многих жанрах газетно-публицистического стиля, таких, как очерк, статья, репортаж, изложение носит личностный характер, образ автора, создателя текста, и его отношение к описываемым событиям проецируются на текст, а «конкретные способы выражения авторской позиции, выработанные в публицистике, создают разные композиции текстовой модальности» [3]. В связи с этим представляется актуальным исследование и описание арсенала средств, служащих выразителями субъективно-оценочных значений в газетном тексте. В их число войдут не только лексические (оценочная лексика и фразеология), но и морфологические (особое использование форм глагольного времени, усилительные частицы, эмоциональные междометия, вводно-модальные компоненты), синтаксические (инверсия, предложения с обращением и Именительным темы, парцеллированные конструкции), а также собственно текстовые (характер композиции, различные формы диалогизации текста, повтор, риторический вопрос и другие стилистические фигуры).

Особого внимания заслуживает лексика оценок и эмоций: «Это прямые логические сигналы субъективно-оценочной модальности в тексте, органичные для публицистики, с ее открытостью авторской позиции» [4]. Использование эмоционально-оценочных единиц способствует адекватному пониманию авторской мысли читателем. Субъективно-оценочная доминанта текста, часто заданная уже в заголовке, поддерживается оценочными лексемами, разбросан-

\* © Топтыгина Е.Н.

ными по всему тексту, повторяющимися многократно: «Именно за счет этой оценочной многократности читатель ясно осознает общую тональность текста и субъективно-оценочную позицию автора...» [5]. Так, в названии репортажа Д. Асламовой «Могут ли устроить геноцид жертвы холокоста?» употребление лексем «геноцид» и «холокост» с отрицательным эмоционально-оценочным содержанием подкрепляется использованием лексем, содержащих те же субъективно-оценочные семы: «жертва», «агрессор», «гнусные убийцы», «хоронить», «беспоощадность», «окровавленным», «сотни тысяч погибших», «проливающими слезы», «тупиковая ситуация», «провоцирует напряженность», «уничтожение», «преступная сущность», «фашизм» и др. Так создается общая субъективно-оценочная тональность негодования, возмущения по поводу происходящих событий.

Сходное использование оценочной лексики наблюдается и в ряде других статей: «Кредитные посредники: помощники или нахлебники?» (Е. Беляков, «Комсомольская правда») – субъективно-модальное значение сомнения, осуждения, выраженное в заголовке, поддерживают лексемы с отрицательной оценочной семой («разгар кризиса», «в долговой яме», «бумажную волокиту», «стояния в очередях», «слишком дорого», «долбить банки», «сомнительным посредникам»); «Не пролети мимо экономии» (О. Головин, «Комсомольская правда») – положительную субъективно-модальную оценку выражает лексический ряд «разумный потребитель», «экономить», «скидок и бонусов», «надежные финансовые инструменты», «благополучие», «уникальный продукт»; в статье «Красноярский рай» (А. Тарасов, «Новая газета») отрицательную оценку реализации нацпроектов поддерживают лексические единицы «хищение денег», «незаконное получение субсидий», «уголовное дело», «мошенничество», «розыск»; негативное отношение к деланию денег в искусстве, заявленное в заголовке статьи «Попсолигарт, или Триумф роскошной дешевки» (Д. Воскобойников, «Известия»), выражают лексемы «гламурная мура», «парад самодовольного китча», «пиршество попсы», «жажда быстрой наживы», «конвейерные романы», «плоское развлечение», «триумф дешевой роскоши»; в заметке «Грабь клиента, не выходя из кассы» (Д. Тараканова, А. Тимошенко, В. Сергеев, «Комсомольская правда») осуждающее отношение к нечистым на руку сотрудникам банка поддерживается лексемами «кризис», «мошенничество», «растратчице», «украденные деньги», «подозрительно», «тюрьма». Таким образом, очевидно, что рассыпанные в тексте лексические единицы с эмоционально-оценочным потенциалом «ощутимо поддерживают друг друга согласованностью своей ...семантики и укрепляют создаваемую автором единую субъективно-модальную линию текста» [6].

Следует отметить, что авторская модальность может создаваться в газетном тексте и морфологическими средствами, в том числе глагольными формами, например, использованием так называемого «настоящего репортажа»: «Специфичность «настоящего репортажа» заключается в том, что оно передает действия, совершающиеся на глазах у воспринимающего эти действия. Они могут относиться и к фактическому прошлому, уходить в него, но для воспринимающего их журналиста-репортера, а следовательно, для читателя, они происходят в момент речи, сейчас, сию минуту» [7]. Так, названная форма создает эффект живого разговора, происходящего будто на наших глазах, в статье «Был полк. Куда-то вышел» (И. Гордиенко, «Новая газета»): *Из Цхинвали*

---

---

до военной базы подбрасывает таксист, метров за пятьсот до цели водитель отказывается ехать: «Прошлый раз так завяз в этой грязи, что еле вытащили». Хлюпаю до КПП. Встречая меня, знакомый офицер тут же уводит за угол: «Здесь у нас все очень строго, муха не пролетит, а вот если обойти с другой стороны, там – заходи кто хочет». Вместе с автором мы оказываемся на территории военной части в Южной Осетии, где внешне все выглядит вполне благополучно: ...Дощатые салатные домики, с виду похожие на теплицы, поблескивают на солнце новенькими жестяными крышами. Отдельная столовая..., свои полевые кухни... – однако внутренних проблем масса – командные перестановки, увольнение контрактников, напряженные отношения между офицерами и солдатами: Старлей Денис, можно сказать, ветеран полка. Он говорит, что особые издевательства и избиения в полку никогда не практиковались. И пытается объяснить происходящее с психологической точки зрения. «Сейчас наши части просто деморализованы. Вот откуда ожесточение...». В тексте статьи названная глагольная форма наряду с другими языковыми единицами становится средством актуализации важных социальных проблем, приближения их к читателю, подчеркивает достоверность излагаемых фактов, то есть выполняет модально-оценочную функцию.

Очень часто «настоящее репортажа» в силу своей описательности и модальной окраски используется как зачин публицистического произведения: *В самом пафосном магазине продуктов Рублевки многолюдно исключительно за счет ... продавцов. На пятнадцать человек персонала, активно выжимающего свежие соки из ананасов и взбивающих йогурты из козьего молока с черникой, всего одна посетительница. Молодая девушка в норковой шубе и кедах нервно бросает в корзинку пять банок черной севрюжьей икры...* (О. Костенко «Богатые плачут стразами», «Аргументы и факты»). Так создается эффект присутствия, рисуется зримая картина жизни состоятельных россиян в период кризиса. Благодаря названной глагольной форме (разумеется, в сочетании с другими средствами – оценочной лексикой, авторской иронией и пр.) эта картина оказывается пронизанной авторскими эмоциями, переживаниями: «Кризис добрался до местных толстосумов?» – не скрываю я пролетарского злорадства. «Да нет, просто час дня – «мертвый сезон», – объясняют продавщицы... Хотя кризис добрался и до нас. Цены на дорогое мясо выставляем за 100 грамм – психологически не так ценники по глазам бьют... . С помощью языковых средств создается модальная тональность осуждения обитателей «Лакшери Виллидж», насмешки над мнимой серьезностью их проблем: *Вся Жуковка и окрестности увешаны плакатами, сообщающими о невиданных «кризисных» распродажах... Невнятные серые перчатки от Дольче и Габбана дают по «смешной» цене – 4 тыс. руб. В ответ на мое возмущенное бормотание продавщица строго объясняет: «Но ведь стоили они 10 тысяч! Вы что, не ощущаете разницы?»... В бутиках оживленно – барышни в меховых жилетах и с голыми руками (теплые машины ждут на улице) хватают носки по 2 тыс. руб. связками, деловито щебеча друг другу: «В этом году на праздники в Европу не выбрались. Кризис... Ну не в рвань же ходить...». Благодаря такому грамматическому средству, как «настоящее репортажа», даже не выраженное формально авторское «я» угадывается в строе речи, окрашенном авторской модальностью, что соответствует коммуникативной установке репортера – создателя текста: дать не объективированное, а глубоко личностное изображение*

действительности, выразить свое отношение к изображаемому.

В кругу текстовых способов выражения субъективно-модальных оценок интересное применение находит прием «экспликации авторского «я» (термин Т.В. Матвеевой) – текстовые включения, которые строятся как повествование от первого лица и используются для того, «чтобы подчеркнуть открытый характер журналистской позиции, сообщить индивидуально-личностную окраску всему, о чем говорится в тексте». «Масштаб использования приема включенного авторского «я» в газетных текстах различен: от единственного фрагмента на пространстве текста до «сюжета в сюжете», когда читатель узнает не только о самом событии, но и процессе подготовки публицистического произведения об этом событии» [8]. В статье Виталия Молоднякова «Старообрядцы в промзоне» (газ. «Лыткаринские вести») несколько таких включений, которые обрамляют ее в начале и конце и перебивают текст в нескольких местах. Функцию субъективно-модального зачина выполняет первое включение: *...Морозным декабрьским утром на остановке «Горячий хлеб» я сел в маршрутку № 22 и поехал к старообрядцам в Тураево <...> Церковь, несколько деревьев около, земля вокруг неё, пара домиков рядом – всё смотрелось отдельным островком в промышленной зоне. Утренняя служба закончилась, прихожане были в трапезной. Встретили меня радушно, удалось не спеша, обстоятельно поговорить. В этих людях чувствовалась связь со своими предками, с общиной. Связь именно с этим местом и этой церковью – цепочка преемственности, длина которой, по меньшей мере, три с половиной столетия...* В содержательном отношении этот фрагмент, с одной стороны, включает описание впечатлений, реакций, с другой – авторские рассуждения о прихожанах, к которым он чувствует неподдельное уважение и симпатию. Так начинается звучать в произведении тема журналистского поиска, внимательного изучения интересующей автора проблемы. Зачин сменяется объективированным изложением фактов от третьего лица (здесь описание проблем храма, переписка с государственными организациями и пр.). А после вновь делается авторское включение, возвращающее нас ко времени подготовки статьи: *Николай Юкин, заместитель председателя общины, показал «подшивку» переписки общины с властью и мушкетерами. Действительно, целый фолиант! Вышли с ним осмотреться. Надо было обо всем расспросить и всё увидеть своими глазами. Или: Пошли мы с Николаем к территории «Экосинтез» – через дорогу, в некотором отдалении от храма. Вскрабались на трубы теплоцентрали, заглянули за забор. В дальнем углу – складирован мусор. Когда стемнеет, его опять будут жечь. Ночами видно зарево. А пожарная инспекция уведомила Николая, что в случае возгорания ничем храму помочь будет нельзя – гидрантов нет...* Сознательно используя прием экспликации авторского «я», журналист не только дает собственную оценку происходящему, переживает за судьбу древнего храма, осуждает бездействие чиновников, но и включает нас, читателей, в круг названных проблем, заставляет сопереживать. Усиливает эту модальную тональность завершающее включение: *...Неподалёку от храма Николай показал мне жёрнов, выступивший из земли. Старый, поистёртый, он отслужил свой век, теперь – материальное прошлое. Часть нашей истории. В это трудно поверить, но Тураевской общине в советское богоборческое время легче жилось, чем теперь. Неужели сейчас имеют значение только деньги? И как решить проблемы, плотно обступившие храм? Трудности, житейские невзгоды и неурядицы тураевской общины*

– всё это перемелется? Наверное. Если будет, кому «жернова» крутить. А кому их крутить? Всем нам. Так в тексте статьи тема борьбы за сохранение православного храма сопровождается общей субъективно-модальной оценкой сопереживания, призыва к сохранению национального прошлого. При этом благодаря авторским включениям проблемы, поднятые в статье, становятся ближе читателю, так как оживлены конкретностью восприятия, окрашены субъективным отношением автора. Справедливы слова Т.В. Матвеевой о том, что «экспликация авторского «я» – концентрированное выражение самой идеи субъективно-оценочного характера публицистического текста. Не просто оценка по долгу службы, но оценка, пропущенная через себя, опирающаяся на глубокое индивидуальное проникновение в тему...» [9]. Разумеется, характер использования этого приема (или отказ от него) определяется не только коммуникативными установками автора, но и жанровыми особенностями самого текста, степенью его обобщенности и объективированности.

В заключение следует подчеркнуть, что субъективное начало газетно-публицистического произведения, приемы создания текстовой модальности, их характер и количество, связаны не только с личностью журналиста, но и с адресатом – читателем, часто массовым и неоднородным. Именно для него и ради него пишется текст, проникнутый субъективно-модальными оценками, которые формируют мнение адресанта, его общественно-политическую позицию.

### Список литературы:

1. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. – М., 1982. – С. 110.
2. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. – М., 1978. – С. 12.
3. Матвеева Т.В. О некоторых способах выражения субъективной модальности в публицистическом тексте // Структура и семантика текста. – Воронеж, 1988. – С. 109.
4. Там же. – С. 114.
5. Там же. – С. 115.
6. Там же. – С. 115.
7. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. – Указ. соч. – С. 82.
8. Матвеева Т.В. – Указ. соч. – С. 110.
9. Там же. – С. 110.
10. Источниками послужили материалы газет «Комсомольская правда» (№ 3 от 3 февраля 2009 г.), «Известия» (№ 6 от 16 марта 2009 г.), «Новая газета» (№ 26 от 16 марта 2009 г.), «Лыткаринские вести» (№ 3 от 15 января 2009 г.).

H. Topcygina

#### THE SUBJECTIVE MODALITY OF JOURNALISTIC TEXT

*Abstract:* The article is concentrated on one of the aspects of modality – the subjective modality, its functions as a textual category. The role of subjective-modal modifiers (lexical, morphological, syntactical, textual) in a forming of modal field of publicistic text is shown.

*Key words:* Journalese style, subjective modality, text modality, author's position, estimation, emotionality.